

Наша газета в рубрике «Уроки истории» продолжает публикацию отрывков из книги полковника запаса Владимира Слабуки «В исключительных обстоятельствах» (Москва, издательство «Граница», 2015).

Он является автором нескольких книг об истории органов безопасности Камчатки, о неизвестных страницах прошлого нашего края.

Изданные Владимиром Викентьевичем документальные очерки часто основываются на источниках, ранее недоступных широкому кругу исследователей.

Автора отличает хороший литературный язык в изложении событий давно минувших дней. О них Владимир Слабука старается рассказывать без мажорной и минорной ретуши, считая, что для нашего объективного понимания прошлого «обеление» истории еще губительнее, чем ее очернение.

Редакция «Вестей»

ГЛОБАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ СПАСЕНИЯ

Человек живет стандартами. И хорошо, если это стандарты высокого образца, хуже – если шаблона. Я имею в виду не только материальные ориентиры, но и их аналоги в нравственной и интеллектуальной сферах. К примеру, спроси среднестатистического российского обывателя, с чем у него ассоциируется деятельность отечественных органов государственной безопасности применительно к 1920–1930-м годам, и он, не задумываясь, ответит: с репрессиями.

Хотя такая оценка, несомненно, имеет под собой объективную почву, для трезвомыслящего исследователя ясно, что не органы безопасности явились инициаторами политических репрессий, а сотрудники ОГПУ – НКВД, будучи инструментом незаконных расправ, сами чаще, чем кто-либо другой, становились их жертвами.

Здесь я попытаюсь рассказать совсем о другой – малоизвестной стороне деятельности чекистов Камчатки в период 1930-х годов.

Региональные краеведы и историки, за редким исключением, не всегда уделяют должное внимание этому направлению работы органов ОГПУ – НКВД, хотя в Камчатском государственном архиве хранится немало интересных документов и рассекречены они давно.

Причина мне понятна. Сквозь призму этих документов многие региональные персоны далеких 1930-х годов, которые нынче стараниями краеведов увенчаны лаврами всевозможных «зачинателей», «первооткрывателей» и «подвижников», могут лишиться значительной степени исторического глянца.

Из доступных для изучения документов вырисовываются крайне неприглядные картины социальной жизни региона, его экономики, ужасающе низкий уровень эффективности работы главного хозяйствующего субъекта северо-востока страны того периода – Акционерного Камчатского общества (АКО), просуществовавшего с 1927 по 1945 год.

В уставе АКО, утвержденном Советом народных комиссаров СССР, за акционерным обществом закреплялось право заниматься «эксплуатацией рыбных, пушных, горных и других естественных богатств», скупать, добывать и продавать золото, перерабатывать и торговать самостоятельно производимыми и скупаемыми у населения продуктами. Обществу разрешалось иметь «собственный морской тоннаж, а также речные и сухопутные средства сообщения».

АКО действовало на обширнейшей территории, включавшей Камчатку, Чукотку, нынешние Охотский и Ольский районы соответственно Хабаровского края и Магаданской области, остров Врангеля, все острова СССР в Беринговом и Охотском

морях...

Не оценен исследователями важный аспект деятельности органов безопасности того периода – информирование сотрудниками ОГПУ, а впоследствии НКВД партийных и советских органов о действительном положении дел в социальной и экономической сферах жизни на территории северо-востока страны. Освещая реальную картину происходящего, смывая парадные чернила с победных реляций о несуществующих достижениях, развенчивая несостоятельные проекты, требуя наведения порядка, чекисты, без всякого преувеличения, спасли тысячи человек от голода и болезней, уберегли миллионы рублей от бестолковой траты.

Вот почему эту сторону их деятельности с полным основанием следует назвать глобальной операцией спасения.

Невозможно перечислить, а тем более проанализировать все документы, относящиеся к этой категории. Их сотни. Поэтому расскажу читателю о тех из них, которые относятся к первой половине 1930-х годов, и то далеко не обо всех, а лишь о наиболее характерных.

В этот период Советский Союз переживал очень сложный экономический и политический период, когда рачительное хозяйствование и бережливость в иных случаях становились вопросами жизни или смерти в буквальном смысле этих слов.

В стране царил голод...

Среди социальных забот камчатских чекистов на первом месте по значимости стоял контроль обеспеченности населенных пунктов региона продуктами питания. Суть всех без исключения информационных записок этого периода сводилась к констатации катастрофической ситуации с завозом продовольствия и промышленных товаров.

26 июля 1931 года начальник 60-го пограничного отряда, начальник Камчатского окружного отдела ОГПУ Григорий Романович Коваленко в письмах директору АКО

Б.И. Гольдбергу и в окружном ВКП(б) сообщает: «...Продовольствием Усть-Камчатский район при скверном ассортименте обеспечен до 1-го августа.

Еще острее вопрос со снабжением стоит в верховьях реки Камчатки. Причины недоснабжения – отсутствие специально выделенных для заброски снабжения плавсредств...

В селе Мильково с марта по июнь ничего не выдавали, выдано в июне по 6 кило муки, что явно недостаточно. В связи с плохим снабжением среди населения растут нездоровые настроения.

...Рыбаки вынуждены заниматься снабжением сами, отвлекаясь от путины».

Письмо Г.Р. Коваленко от 17 сентября 1931 года в адрес председателя камчатского Интегралсоюза И.Т. Воронцова еще более тревожное: «На участке Ука – Тилички – Усть-Камчатск население сидит без товаропродуктов, совершенно отсутствуют мука, спички, керосин, о чем Вам сообщалось нашим отношением от 23 августа за № 1-10-24.

Семьи некоторых жителей в настоящее время голодают. На дефицитные товары присылаются только счета, а товаров нет.

Среди населения начинаются заболевания. Наличие одного фельдшера медпомощь не обеспечивает. На том же участке у артели Интегралсоюза осталась необработанной от 1930 года продукция: кеты 100 000 шт. и несколько тысяч пудов икры. Рыба портится и теряет ценность.

Четвертый год нет расчета за взятую у населения рыбу, что вызывает среди последнего недовольство.

...Просим срочно сообщить, какие Вами приняты меры по нашему отношению от 23 августа за № 1-10-24 по ряду затронутых нами вопросов, в частности по обеспечению

населения хлебопродуктами. Кроме того, сообщите, почему в течение четырех лет с населением не рассчитываются за принятую у него рыбу и какие меры принимаются в отношении оставшейся необработанной рыбы и икры от прошлого года».

В письме явно ощущается плохо скрытое раздражение Г.Р. Коваленко.

Отсутствуя на Камчатке продукты и другие товары первой необходимости, скорее всего, начальник окротдела ОГПУ не решился бы понукать различные ведомства письмами и записками с напоминаниями, требованиями и предупреждениями о доставке населению несуществующей провизии.

В те годы Советский Союз, как уже отмечалось, переживал очень трудный период. Многие регионы страны голодали. В оперативных сводках ОГПУ, направляемых с Украины, из Казахстана, других республик и областей, сообщалось о гибели людей, налетах на продовольственные склады, о каннибализме.

Но Камчатский округ, куда в этот период входила и Чукотка, на фоне бедственного положения в других регионах страны, если исходить из количества поставляемых продуктов и промышленных товаров на душу населения, выглядел относительно благополучно. Оба полуострова, учитывая их удаленность, северное и приграничное положение, традиционно сильные среди местного населения симпатии к японцам и американцам, снабжались хорошо. Во всяком случае, скудного пайка, а тем более голода и сопутствующих ему болезней можно было избежать. Требовалось только разумно распоряжаться присланными в округ продуктами и товарами.

Об этом хорошо знали Г.Р. Коваленко и его подчиненные. Информированы они были и о том, что продукты и товары, особенно в камчатской и чукотской глубинке, не доходят до конечного потребителя, оседают на складах, скверно хранятся годами, портятся и в конечном итоге выбрасываются. Плохой учет грузов создавал предпосылки для их хищения.

Свидетельство тому вновь находим в документах. 1 сентября 1931 года Г. Р. Коваленко сообщает Б. И. Гольдбергу: «...На Карагинском острове происходит систематическая порча продуктов, а именно:

В зиму 1929/30 года испорчено 30 мешков муки, весом 1 800 кг, мука слежалась, мешки погнили...

В настоящее время на фактории острова лежит 300 мешков весом 21 тыс. кг ржаной муки, которая также подвергается порче, и мер к ее сохранению не принимается.

Доставленные в 1929 году огурцы, капуста и помидоры, простояв на солнце целое лето, испорчены, и 30 бочек последних списаны...

На зиму 1930/31 года на рыболовной базе, заведующий базой Орлов (который постоянно пьет), оставлены 130 мешков муки, весом 9 100 кг. Она испорчена и списана в расход.

Им же, Орловым, испорчено в 1930 году до 6 000 тысяч штук (так в оригинале – **Авт.**) трески и 10 бочек икры, которые выброшены».

Через месяц Г.Р. Коваленко вновь требует от Б.И. Гольдберга навести порядок с хранением и доставкой продуктов и товаров. На этот раз в письме, датированном 4 октября 1931 года, речь идет о Чукотке: «На складах Анадырского комбината имеется большой запас муки, свыше 170 тонн, которая благодаря халатности администрации слежалась и портится. Завезенные в 1930 году овощи: картофель, свекла поморожены, соленые огурцы и помидоры испорчены...

Подверглись порче и сушеные овощи, из коих 12 мешков выброшены, а 100 мешков, частью заплесневевших, рассыпаны на вышке склада для просушки, но не перегребаются. Испорчено несколько ящиков галет и ржаные сухари в количестве 100 мешков, завезенные с 1930 года...

В факториях бухты Лаврентия имеется много неходовых товаров, которые местным населением не берутся, как то: вермишель, макароны, 55 кожаных сапог, 100 пар ичиг и около 30 ящиков импортного сала.

В бухте Провидения находится около 40 бочек экспортного масла, которое уже испортилось и к употреблению не годится».

Зная о вопиющей бесхозяйственности в хранении прибывающих с материка товаров, чекисты и пограничники в эти годы проводили регулярные проверки многочисленных складов и баз различных предприятий АКО и Интегралсоюза. Каждый без исключения рейд сопровождался неприятными открытиями.

Вот типичный документ, созданный по результатам одной из таких проверок, проведенной летом 1933 года: «Обследованиием на РКЗ № 1 обнаружено: в адрес завода в 1927 году прибыли импортная паровая лебедка, запасные части и агрегаты предварительной и окончательной закатки консервов, 23 ящика разных запасных частей, импортная спецодежда: 344 дождевика, 27 тужурок, 305 брюк. Все указанное в течение 6 лет уже не используется...»

Последнее замечание кажется особенно странным, если учесть, что в центральную контору АКО от всех хозяйствующих субъектов сплошным потоком шли жалобы на отсутствие запасных частей и острый дефицит спецодежды. Рабочие трудились в чем придется, тогда как на складах годами лежали невостребованными дождевики, сапоги, куртки, брюки, чаще всего импортные, хорошего качества.

Обследуя склады АКО, чекисты, пограничники и таможенники обнаруживали дефицитное оборудование, из-за отсутствия которого простаивали рыбоконсервные заводы, работавшие над экспортными заказами.

На базах Акционерного Камчатского общества скопилось значительное количество сельскохозяйственных машин – от конных сенокосилок до тракторов, которые хранились под открытым небом. От постоянных камчатских дождей и снегов они быстро ржавели,

приходили в негодность. На большинство машин и агрегатов хозяйственники из АКО не могли найти документов, не имели представления, в чей адрес пришли грузы стоимостью в миллионы рублей – колоссальные по тем временам суммы.

Только после вмешательства сотрудников органов безопасности удавалось найти применение агрегатам, машинам и запасным частям, если, впрочем, они к тому времени уже не превратились в никому не нужный хлам.

В то же время работники АКО изводили тонны тонкой японской рисовой бумаги, рассылая жалобы во все инстанции на недостатки в снабжении.

Реальные проблемы в этой сфере, разумеется, существовали. Первая мировая и Гражданская войны разрушили экономику страны. Многие товары на долгие годы в СССР обречены были оставаться дефицитом. Но и то, что имелось, часто оказывалось утраченным из-за граничивших с прямым вредительством, бесхозяйственностью и безалаберностью людей, в чьи обязанности входило разумное использование материальных ценностей.

Не исключено, что чекисты и пограничники, сталкиваясь с небрежным отношением к тому богатству, которое они обнаруживали на складах, базах и в прочих приспособленных и неприспособленных хранилищах, не могли скрыть негодования. Самих-то их снабжали более чем скудно.

На второй партийной конференции камчатского погранотряда, открывшейся 1 августа 1930 года, главной темой разговора стали именно недостатки и проблемы материально-технического обеспечения красноармейцев и начальствующего состава органов и войск ОГПУ полуострова.

Присутствовавший на конференции представитель политотдела Краснознаменной пограничной и внутренней охраны Дальневосточного края Коцент несколько раз пытался перевести дискуссию на задачи идеологического характера, но все выступавшие – от начальника отряда Г.Р. Коваленко до красноармейца контрольного поста в Тигиле

М.Ф. Онина – говорили о том, что их волновало больше всего.

А беспокоило их, например, то, что в отряде вместо положенных по штату 580 винтовок и 383 револьверов имелось соответственно 130 и 100, причем по большей части в неисправном состоянии. Говорили они, что красноармейцы скудно питаются, что начальствующий состав, получающий мизерное жалованье, нищенствует и болеет...

Не хватало самого необходимого. Вместо одеял бойцы использовали куски портяночного сукна, одна пара сапог приходилась на нескольких пограничников.

Начальствующий состав вместо командирского получал неполный комплект красноармейского обмундирования.

Выступления участников конференции позволяют, что называется, из первых уст узнать, как жили и служили первые чекисты и пограничники Камчатки.

Вот что звучало с трибуны партконференции: «Плохо с обмундированием, 22 пары сапог кое-как отремонтировали. Зимнего обмундирования и постельных принадлежностей нет, спим на голых досках». «У нас нет ни одного контролера. Начальник болен. Винтовок нет. Один наган на весь КПП. Когда проводим стрельбу, то приходится стоять в затылок по 10 человек». «Начсостав обеспечен материально плохо. Мы видели, когда жена контролера Леонова ходила в чукотских туфлях, так как больше не в чем было ходить, о чулках говорить не приходится, так как уже давно не видели таковых». «Имеющиеся пулеметы никуда не годятся. Один день стреляем, а 20 – чиним». «С плавучими средствами дело обстоит из рук вон плохо. На бату ехать четыре мили по морю к пароходу нет возможности»...

У некоторых современных авторов можно найти пространные описания того, как сотрудники ОГПУ и НКВД купались в роскоши и жировали, когда весь остальной народ бедствовал и голодал. На самом деле особого отношения к сотрудникам органов безопасности в эти тяжелые для страны годы партия и правительство не проявляли. Скорее, наоборот.

Так, на той же партийной конференции помощник начальника отряда Н.А. Цапов, говоря о тяжелом материальном положении начальствующего состава, отмечал: «Сторожа АКО получают столько, сколько у нас контролеры и уполномоченные, а мотористы АКО – больше, чем помощник начальника отряда».

Часто говорят о громадных сроках, которыми в 1930-х годах наказывали за хозяйственные преступления. Но, честно говоря, читая документы того периода, знакомясь с ситуацией на Камчатке, прихожу к совершенно иному выводу.

Малая часть той бесхозяйственности, бездеятельности, попустительства, которые царили на полуострове, даже в наш либеральный век неизбежно привела бы руководителя, по меньшей мере, к потере начальствующего кресла, а в большинстве случаев повлекла бы за собой уголовную ответственность.

Непотопляемость камчатских хозяйственников на фоне масштабных провалов всех их экономических начинаний, откровенное манкирование ими должностными обязанностями, моральное разложение в первой половине 1930-х годов представляются мне уникальными.

Камчатские чекисты долгое время добивались отставки директора-распорядителя АКО Б.И. Гольдберга как абсолютно несостоятельного хозяйственника, окружившего себя столь же «талантливыми» специалистами.

Соответствующие записки шли из окротдела ОГПУ и в партийные органы, и к полномочному представителю Объединенного государственного политического управления по Дальневосточному краю Т.Д. Дерибасу.

Так, например, в одном из документов приведены разногласия между руководством АКО и контролирующими органами по балансу акционерного общества.

Оказывается, существовали два варианта баланса. Разница между балансами, представленным АКО и рассчитанным аудиторами, оказалась гигантской – десятки миллионов рублей!

Такие разночтения в балансах говорят не только об отсутствии серьезного учета в АКО, но и о прямых предпосылках для безнаказанных хищений.

Но чаще имела место простая некомпетентность подчиненных Гольдберга. Камчатские чекисты в подготовленных ими документах неоднократно подчеркивали, что специалисты с материка, которых акционерное общество приглашает на полуостров, имеют низкую квалификацию, что они приезжают не работать, а зарабатывать.

Удивляет и то безразличие, с которым руководство АКО относилось к условиям труда и быта рабочих акционерного общества. Стоит ли после этого удивляться, что рыбаки, лесорубы, рабочие совхозов не торопились записываться в ряды стахановцев, а использовали любой удобный случай, чтобы покинуть акционерное общество и полуостров.

Обо всем этом камчатские чекисты многократно сообщали и своему руководству, и партийным органам. И, несмотря на вал негативной информации о деятельности Акционерного Камчатского общества, на фактический провал хозяйственной деятельности предприятия, безнадежно убыточного, его директору долгое время удавалось оставаться в фаворе у московского руководства.

Наверное, сказывалось покровительство Гольдбергу со стороны Анастаса Ивановича Микояна – влиятельного наркома пищевой промышленности СССР и личного друга И.В. Сталина.

Анастас Иванович устроил несколько встреч Гольдбергу со Сталиным. На одной из них, состоявшейся в 1930 году, директор АКО докладывал руководителю государства, что на Камчатке «ничего расти не может», а следовательно, полуострову необходим завоз всего спектра сельхозпродуктов.

Не знаю, поверил ли Сталин Гольдбергу, но, видимо, нет, потому что акционерное общество заставили заниматься сельским хозяйством, о чем речь впереди.

Лишь в 1933 году, не дождавшись от АКО серьезного вклада в развитие региона, в Наркомате пищевой промышленности СССР приняли решение об отставке Гольдберга. Директора акционерного общества вызвали в Москву. Накануне, во время чистки партийных рядов, директора-распорядителя лишили билета члена ВКП(б).

На собрании, которое с перерывами длилось несколько суток, Гольдбергу задали 228 вопросов!

В феврале 1934 года в Москве, в присутствии А.И. Микояна, новый руководитель АКО И. А. Адамович принял дела у предшественника. Прием-передача прошли без обстоятельной ревизии административно-хозяйственной деятельности акционерного общества.

Приехав на Камчатку, новый директор АКО не без помощи чекистов ознакомился с реальной социально-экономической ситуацией в акционерном обществе. Установив реальное положение дел, Адамович попросил Микояна направить Гольдберга во Владивосток для подписания нового акта приема-передачи.

Экс-директор в Приморье приехал, но подписывать акт отказался. Но даже после такого демарша Гольдберга не только не отправили на лесоповал или на строительство I Беломорско-Балтийского канала, но и назначили на ответственную должность в Наркомате пищевой промышленности СССР.

Еще раньше по настоянию чекистов в связи с явным провалом работы освободили от должности И.В. Максимовича – директора принадлежавшего все тому же АКО Ключевского деревообрабатывающего комбината.

Изначально это предприятие возводилось для изготовления тары – ящиков, бочек, в которые намеревались упаковывать предназначенную для экспорта рыбную продукцию,

и лишь в последнюю очередь для удовлетворения внутренних нужд АКО. Но основная ресурсная база деревообрабатывающего комбината – камчатская лиственница, тяжелая и, в отличие от сибирской родственницы, подверженная быстрому гниению, по международным стандартам для таких целей совершенно не годилась.

Предполагали строить в Ключах и деревянные плавсредства, предназначенные как для рыбного промысла, так и для транспортировки грузов по рекам Камчатки в поселки, удаленные от побережья.

Но и для этих целей камчатская лиственница оказалась непригодной. Опыт ключевского судостроения в начале 1930-х годов ограничился возведением неуклюжей баржи, на борту которой ее создатели старательно вывели три буквы: СТК.

Аббревиатура в расшифровке означала: «Снабженческая транспортная контора».

Но народ быстро окрестил баржу «самоходным тихоходным корытом», которое к тому же после нескольких дней нахождения на воде неизменно начинало протекать. В конечном итоге СТК запретили эксплуатировать из-за опасений, что баржа может утонуть вместе с грузом и людьми.

Строился комбинат долго и нелепо. Некоторые сооружения сразу же после возведения разваливались, как произошло с сушильным цехом и пожарной башней. Часть импортных станков и агрегатов для комбината пришлось завозить дважды. То их топили при разгрузке в Камчатском заливе, то они приходили в негодность из-за неправильного хранения, то просто исчезали.

Несуразности не прекратились и после того, как комбинат начал выпускать продукцию.

17 июля 1933 года заместитель начальника Камчатского окротдела ОГПУ Петр Петрович Лепин сообщал Б.И. Гольдбергу: «Ключевским комбинатом АКО изготовлено 7 000 ящиков для укладки экспортных рыбных консервов, из указанного количества 1 700 ящиков доставлены рыбрайону.

По стандарту в ящик должно вмещаться 48 фунтовых банок или 96 полуфунтовых. Ящики должны иметь следующие размеры в мм, для фунтовых банок: высота 300, ширина 332 и длина 455, для полуфунтовых: высота 240, ширина 380 и длина 570.

Ящики, изготовленные комбинатом, имеют следующие размеры: высота 265, ширина 340 и длина 510. В ящик вмещается лишь 36 банок фунтовых либо 60 полуфунтовых.

Ящики, изготовленные комбинатом, под экспортные консервы не годятся.

Кроме того, после укладки в ящиках остаются большие зазоры, из-за чего банки в ящиках перемещаются и мнутся».

Казалось бы, чего проще изготовить ящики по указанным размерам. Высоких технологий для этого не требуется. Ан нет! Даже самое простое дело можно завалить, если постараться.

Создается впечатление, что в АКО под руководством Гольдберга на этом поприще старались всю...

На заседании Камчатского окружного комитета ВКП(б) решили освободить И.В. Максимовича от должности директора деревообрабатывающего комбината.

В официальных отчетах того периода, опубликованных в «Камчатской правде», встречается немало реляций, рапортующих о великих достижениях в области сельского хозяйства. Однако здравомыслящий камчатский обыватель и региональные чекисты давали аграрной деятельности АКО иную оценку. На этот счет архивы хранят множество документов.

Типичным является письмо Г.Р. Коваленко, направленное секретарю окружного комитета ВКП(б) в июле 1931 года: «По имеющимся в окрестностях Петропавловским совхозом на берегу океана, в 4-х километрах от с. Халактырка, полосой в 11 километров и шириной 150–200 метров, на почве, представляющей намытый океаном песок, задерненный в настоящее время и покрытый растительностью, произведен посев овса на зеленку. Семенного материала употреблено около 60 т.

Должной обработки земли перед посевом не проделано. Дискование произведено по целине, благодаря чему местами дернина оказалась совершенно непрорезанной...

В результате, несмотря на ранний посев, всходов до настоящего времени нет, исключение представляют некоторые места, на коих всходы зачали, и весь посев оказался погибшим.

Несмотря на то что администрация совхоза... о нецелесообразности производства посева на данной площади была рабочими поставлена в известность, посев все же был произведен».

Другие документы, подготовленные сотрудниками ОГПУ, рассказывают о загубленном семенном картофеле, падеже скота, в том числе племенного, привезенного из Костромской области, не подготовленных к весне тракторах, плугах и сеялках...

Аграрное направление в деятельности АКО даже на фоне других экономических неудач всегда являлось наиболее проблемным участком. Сказывался суровый камчатский климат, превращающий занятие сельским хозяйством в рискованное предприятие, но особенно большой вред приносили хозяйственники, полагавшие себя специалистами в этой отрасли.

К ним относился и товарищ Шетц, возглавивший совхоз «Петропавловский» в 1932 году.

Как часто случается, когда недалекий человек вдруг получает власть, новый директор впал в неистовство «новаторства» и поиска «нестандартных» ходов. По известным

только ему причинам он предлагал закрывать рентабельные аграрные предприятия и вкладывать средства в хозяйства, которые могли кормить только самих себя...

Товарищ Шетц, видимо, надеясь на поддержку руководителя АКО, даже не заботился о каком-либо серьезном обосновании своих проектов: «Давая распоряжение подчиненным ему агрономам составить обстоятельную докладную записку по его «проекту», Шетц на их возражения, что этот проект нужно подкрепить цифрами, иначе он будет утопией, буквально заявил следующее: «Некогда нам возиться с цифрами, напишите общими местами мою мысль, уложив ее в крепкую сильную форму, чтобы записка подействовала».

Об уровне проектов члена ВКП(б) товарища Шетца можно судить по одному из его экзотических начинаний: «Им куплен инкубатор-фабрика стоимостью около 20 000 рублей валютой с закладкой на 7 тыс. яиц.

К тому времени в совхозе уже имелись шесть инкубаторов, из которых использовались только два. Покупку еще одного инкубатора Шетц объяснил следующими намерениями: «Собрать птенцов морских уток – топорков, засадить их в этот инкубатор, откармливать зерном, следовательно, запах рыбы из мяса птенцов выветрится, к осени мы будем иметь хорошего качества мясо, а со следующей весны организовать сбор яиц топорков и выводить их в инкубаторе».

Поясню читателю, что топорки относятся к семейству не утиных, а частиковых и питаются они исключительно мелкой рыбешкой и морскими беспозвоночными.

Последние две цитаты взяты из письма П.П. Лепина ответственному секретарю обкома ВКП(б). Документ датирован летом 1933 года.

После письма товарища Шетца с должности директора совхоза также сняли.

После смены руководства АКО тональность в переписке между окротделом ОГПУ и руководством акционерного общества на некоторое время меняется.

Камчатские чекисты стараются сориентировать новый состав директората в наиболее актуальных проблемах, которые требуют оперативного решения. Показательно в этом отношении письмо П.П. Лепина заместителю начальника АКО Г.Д. Торопову, подготовленное в мае 1934 года: «Остров Большой Диомид имеет 4 хозяйства с 22 человеками населения. Рядом с ним, на острове Малый Диомид, находящемся на территории Америки, имеется 21 хозяйство с населением 130–140 человек. На американском острове скупается пушнина по следующим ценам: белый медведь – 20–30 долларов, песец – 10 долларов, моржовая шкура – 4, лахтак – 10, нерпа – 50 центов и клык моржовый – 20 центов, причем нерпу в текущем году у туземцев не скупают.

Для снабжения острова Большой Диомид, ввиду нахождения его вблизи американской границы и борьбы с американофильскими тенденциями со стороны кулацко-шаманских элементов, необходимо было бы специальное выделение завозимого снабжения на сумму 15–20 тысяч рублей, состоящего из следующих товаропродуктов: мука белая, рис, сахар, чай, масло, макароны, кондитерские изделия, трубочный табак, спички, папиросы, фруктовые, мясные, овощные и рыбные консервы, готовое рабочее и выходное платье, белье трикотажное, ткани, эмалированная столовая и кухонная посуда, медные котлы, небольшие зеркала, бисер, викторолы (разновидность патефона – **Авт.**), примуса, инструменты для обработки кости (напильники, ножовки), предметы промыслового значения (брезент, веревка, патроны для винчестеров, дробовые ружья, бинокли, компасы, граненые иглы).

Продукты должны иметь хорошее качество, хотя бы из экспортного брака, и по стоимости применительно к американским долларам.

Наряду с этим, по тем же причинам желательно улучшение качества, снабжения, особенно промыслового населения, всего Чукотского полуострова как пограничного района, снабжавшегося до 1928 года американскими товарами. Смежные районы Чукотки, кроме указанного выше ассортимента, особенно нуждаются в завозе деревянных изделий для полозьев нарт, лыж, обрешетки яранг, брезента для них, медных котлов и чайников, которые в последнее время не завозились».

Не берусь говорить об улучшении снабжения акционерным обществом всей Чукотки, но известно точно, что вскоре после этого письма на острове Ратманова, он же Большой Диомид, появилась лавка с широким ассортиментом качественных товаров, которые охотно приобретали и подданные США. Лавкой заведовал эскимос Тынекей, который

женился на девушке с соседнего, американского, острова. Большую часть товаров, завезенных АКО на Большой Диомид, предприимчивый торговец реализовывал на соседнем острове, чем вызвал острое неудовольствие односельчан, которые и пожаловались на Тынекея чекистам.

Контрабандные операции заведующий лавкой вел не таясь, поэтому узнать о них начальнику контрольного пограничного поста на мысе Дежнева, который проводил расследование, не составило труда.

Скорее всего, «международная торговля» сошла бы Тынекею с рук, если бы тот не убил Тынарина – председателя национального совета Большого Диомиды, который попытался помешать очередной контрабандной сделке заведующего лавкой. После суда Тынекея расстреляли...

Даже краткий анализ дошедших до наших дней документов позволяет утверждать, что Камчатка в начале 1930-х годов могла избежать многих бед и проблем, прояви ее главный хозяйственный руководитель Б.И. Гольдберг элементарный здравый смысл и распорядительность. Но не было организовано даже должное взаимодействие между отделами и управлениями АКО, отсутствовал всякий контроль их работы. К чему привел такой стиль руководства также можно узнать из документов, подготовленных чекистами полуострова.

[Продолжение следует.](#)